

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ В ПЕРИОД
ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА

Ласло В. Молнар

/Будапешт/

В 60-х годах XVIII-го века, в прогрессивном общественном мышлении России — как и в западной Европе — началась критическая переоценка закоренелых понятий и взглядов, сложившихся на почве феодальных отношений и оправдывающих эти отношения. В этом европейском движении выдающуюся роль играли мыслители французского просветительства, подготовившие "умы" к приближающимся революционным событиям и оказавшие огромное влияние на развитие прогрессивных идей других стран, в том числе и в России¹.

Рождение освободительных идей в России было тесно связано с критикой крестьянства². Вспыхнувшие в 1750-1760-ых годах крестьянские движения привели в смятение представителей разных слоев общества. Самых прозорливых крепостников беспокоила опасность восстания, поэтому был подготовлен целый ряд проектов для его укрощения, чтобы в интересах сохранения крепостного строя смягчить воиющие противоречия³. Такие проекты разработали: П. И. Панин /"усмиритель" восстания Пугачева/ и И. П. Елагин /государственный секретарь Екатерины II/. Их меры далеко превзошел проект Д. А. Гольцина, в котором он предложил освободить крепостных за высокий выкуп, но без земли. Однако все эти проекты /сверху, путем реформ/ касались только представителей правительственных кругов и не дошли до сведения общественности⁴. В то же время реакционное большинство дворянства упрямо защищало неприкосновенность крепостной системы, неограниченную власть помещиков над крепостными крестьянами и убедительно требовало "управление помещиков над подданными до мельчайших подробностей сохранить на

старой основе".

Идеолог аристократии, выдающийся историк XVIII века, М. М. Щербатов в своем труде "Размышления о вреде того, дать ли в России свободу крестьянам и слугам или дать в их распоряжение землю" был возмущен попытками сделать вопрос о крестьянстве гласным, так как боялся, что "это даст повод для всякой болтовни, возмущения бунтарских голов и недовольствия"⁵.

В 1767-1769 годах А. Е. Поленов /юрист/, Е. П. Козельский /философ/, С. Е. Десницкий, Д. С. Аничков и И. А. Третьяков, а также А. М. Брянцев, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, И. А. Крылов, А. Я. Поленов, Иван Чупров, А. А. Каверзнев, П. А. Словцов, И. Жеребцов, Андрей Маслов, А. Н. Радищев, П. С. Батулин, Г. С. Коробьин — выступили как беспощадные враги ненавистного крепостного строя, разоблачая жестокость отдельных помещиков, бичевали их злоупотребления и смело критиковали фальшивость феодального правосудия⁶.

В авангарде смелой критики феодально-крепостнического строя и лицемерных указов просвещенного абсолютизма, в раскрытии внутриобщественных проблем стояли новообразовавшиеся сатирические журналы. На страницах журналов Н. И. Новикова /1744-1818/ "Трутень" /1769-1770/, "Болтун" /1770/, "Живописец" /1772-1773/, "Кошелек" /1774/, В. Г. Рубана "Трудолюбивый муравей", "Ни то, ни се...", М. Д. Чулкова "И то, и се...", Ф. А. Емина /1735-1770/ "Адская почта", В. Тузова "Поденщина", И. А. Крылов "Почта духов" /1789/, "Зритель" /1792/, а также "Санкт-Петербургский Меркурий" /1793/ велась полемика с закостенелыми, консервативными взглядами, с журналом Екатерины II "Всякая всячина", решительно и последовательно бичевались феодальный строй, классовый эгоизм дворянства, его мелочность, бескультурность, галломания, служебный карьеризм, подхалимство, отсталое хозяйствование, легкомысленный образ жизни⁷.

С беспощадной критикой крепостного строя выступил А. Я. Поленов, который хотя и не говорил о разделе помещичьих угодий, но требовал, чтобы:

- 1/ налоги и служба были точно определены и не должны были превышать 1/10 дохода крепостного;
- 2/ барщина составляла максимум 1 день недели;
- 3/ налоги были контролированы со стороны государства, а злоупотребления помещика были предотвращены;
- 4/ крестьяне получили в помощь от государства тяговый скот и займы;
- 5/ иногда освобождали крепостных от обязательных работ;
- 6/ были демократизированы суды /с вовлечением крепостных/;
- 7/ была прекращена "торговля людьми";
- 8/ было обеспечено свободное переселение;
- 9/ были основаны деревенские народные школы⁸.

Подобные взгляды были у Я. П. Козельского, по мнению которого необходимо была точно очертить государственные и помещичьи повинности крепостных, предотвратив, таким образом, злоупотребления. Очень важно, что он правильно осознал то, что человека земли необходимо заинтересовать в производстве и нужно уважать его движимое и недвижимое имущество. И хотя Козельский в своих трудах не настаивал на немедленном упразднении крепостного строя, его определения и требования можно оценить чрезвычайно положительно, например требование, чтобы звания и чины присваивались не по происхождению, а по способностям. Самые известные его произведения "Философские суждения" /1768/ и "Разговоры двух индейцев, Калана и Ибрагима о человеческом познании" /1788/, которые свидетельствовали о его материалистическом понимании природы и материи⁹.

Прогрессивные взгляды высказывал С. Е. Десницкий, профессор юстиции Московского Университета, который хотел как можно быстрее положить конец помещичьему произволу,

осуждая унижительные телесные наказания, и предложил отмену смертной казни через обезглавливание. Он считал срочной задачей поставить законодательство на демократические основы и признать равноправие женщин. В своем самом известном произведении /"Доклад об учреждении законодательства, а также о судебной и исполнительной власти для Российской Империи"/ он предложил широкую демократизацию общественного строя¹⁰. Например, он предложил, чтобы члены сената были из делегатов губерний, а сенаторы оставались в должностях не более пяти лет, в свою очередь существовали бы за свой счет, и голосование проходило бы большинством голосов. Десницкий считал важным и то, чтобы один человек избирался в сенат только не более двух раз, таким образом можно было бы предотвратить руководство некоторыми отделами по принципу "от династии к династии" и образование почти исключительно наследственной власти. По его проекту было бы целесообразно создать девять высших судов на территории империи /с центрами в Петербурге, Москве, Риге, Тобольске, Новгороде, Казани, Оренбурге, Глухове и один на польской границе/, где действовали бы судебские аппараты из 12 человек. В своих теоретических работах Десницкий правильно видел, что современную философию необходимо освободить от мистицизма, а в повседневной жизни необходимо последовательно бороться против суеверий и предрассудков¹¹.

Радикальными взглядами отличался и князь Д. А. Голицын /1734-1803/, служивший послом во Франции и в Голландии. Во время пребывания во Франции он — на собственные средства — издал произведение Гельвеция "О человеке, его умственных способностях и воспитании", второе издание которого французское правительство запретило и приказало сжечь. Выдающийся мыслитель в своих письмах князю А. М. Голицыну изложил свои взгляды, в которых предложил оставить землю у помещиков, однако до конца настаивал на освобождении личности крепостных. Он предложил также обеспе-

чить крепостного таким земельным участком, который был бы достаточным для того, чтобы он мог на нем хозяйствовать и прожить.

Из просвещенных мыслителей России необходимо еще отметить Г. С. Коробьина /делегат Комиссии по составлению Уложения 1767 года/ и И. А. Третьякова /1735-1779/, которые настаивали на уменьшении работ и точном определении служб крепостных, на разработке новой, демократической законодательной практике, требуя распространения просветительских идей среди народа¹².

Распространению просвещенных общественных взглядов — хотя еще в довольно узком кругу — способствовало также и развитие философских наук, представители которых, ссылаясь на современные естественные науки — следуя за М. В. Ломоносовым — начали борьбу против схоластики и невежества. Величайшие представители русской философской мысли XVIII века: Н. Н. Поповский /1730-1760; ученик Ломоносова, профессор основанного 12 января 1755 года Московского Университета/¹³, Д. С. Аничков /1733-1788; преподаватель философии и математики Московского Университета, в своих атеистических умственных трудах писал главным образом о взаимоотношении тела и духа/¹⁴, А. М. Брянцев /1749-1821; его главные произведения: "Об отношении дел в мире", "Об общих и главных законах природы", 1799/¹⁵, А. А. Каверзнев /учился в Германии и главное свое произведение "О вырождении животных" написал на немецком языке; в нем он боролся против взглядов Линнея — метафизика и Бинне — идеалиста-мистициста; из-за положений о развитии человеческого племени оказался в столкновении с официальным мнением церкви, которая опротестовала мысль об "обезьяне-предке"; предшественник дарвинизма/¹⁶, П. С. Батурин и А. А. Барсов, которые выступили против средневекового схоластицизма, скептицизма и суеверий, высоко ценили научные наблюдения, настаивали на распространении естественных наук, были ма-

териалистически-атеистически настроенными мыслителями¹⁷
/см, произведение Аничкова: "Зеркальце атеизма":/.

К наиболее знаменитым мыслителям XVIII века относился Г. С. Сковорода, один из величайших деятелей украинского просвещения, воплотивший образ странствующего учителя. В своих речах и произведениях Сковорода осудил безделие украинской знати, их преклонение перед чинами, а личные интересы, основанные на свободной собственности, считал движущей силой прогресса и источником всеобщего блага и добра.

В кругах демократически настроенной интеллигенции¹⁸ большое внимание имели сатирические журналы Н. И. Новикова — в 1769-1774 годах в России издавались 15 таких журналов — которые с едким юмором бичевали бессмысленный самопроизвол помещиков, разоблачали взяточничество и вымогательство чиновников, невежество и зазнайство дворянства, и трогательно описывали нищету и несправие крепостных. Новиков ясно видел, что пресса является намного более острым оружием, чем речи, звучавшие в Комиссии по составлению нового Уложения или на университетских кафедрах¹⁹.

Что касается радикализма, из русских мыслителей дальше всех в этом отношении пошел А. Н. Радищев /1749-1802/, который в своем знаменитом, опубликованном в 650 экземплярах произведении "Путешествие из Петербурга в Москву" /1790/ так обрисовал будущее русского народа:

"01 если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашуе обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. —

Не мечта сие, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!"²⁰

В лице Радищева мы видим предшественника декабристов, ведь в одном из своих стихотворений он с гордостью писал о себе:

"Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?

Я тот же, что и был и буду весь мой век:

Не скот, не дерево, не раб, но человек!"

Дворянский революционер, приговоренный Екатериной II к сибирской ссылке, в своей "Оде о вольности" — с неслыханной смелостью — изображает царицу как величайшую преступницу и виновницу всех бед:

"Злодей, злодиев всех лютейший,

Превзвдя зло твою главу,

Преступник, изо всех первейший,

Предстань, на суд тебя зову!"

Однако, взгляды, предложения русских мыслителей XVIII века — вопреки их положительным намерениям — были лишены последовательности, ведь эти авторы не были способны выйти из своих классовых границ, они не требовали полной и радикальной ликвидации крепостного строя, в действительности они даже не понимали причин возникавших одно за другим крестьянских восстаний, так как очень боялись их. Сегодня мы с улыбкой судим и считаем крайне наивными необоснованные иллюзии этих мыслителей и их веру в просвещенных правителей.

Комиссия по составлению Уложения 1767-го

года

Своеобразной сценой развития общественной мысли XVIII века была деятельность Комиссии по составлению

Уложения 1767-го года, с которой современная прогрессивная общественность, и видевшая в ней возможность выиграть место для просвещенного абсолютизма, связывала большие надежды.

Ревизию единого законодательства Российской Империи после вступления на престол Екатерины II /1762-1796/ сделал особенно актуальной тот факт, что в это время все еще судили согласно так называемому "Соборному Уложению" 1649 года, которое уже не отвечало интересам дворянства, да и купцы протестовали против его устарелости, отсталости и обветшания. Поэтому царица 14 декабря 1766 года провозгласила манифест, который был зачитан в церквях и соборах в три, следующих одно за другим воскресенья, с целью созыва делегатов Комиссии²¹. В то время империя, до административной реформы /1775/, была разделена на 20 губерний, которые дальше делились на провинции, а те, в свою очередь — на уезды. По одному делегату посылали в Комиссию города, уезды тоже могли посылать одного дворянина. Кроме этого из каждой провинции в работе Комиссии могли принять участие один государственный крепостной, один солдат и один поселившийся здесь иностранец. Делегатов казачества представляли выходцы из богатых слоев старшинства. Уездные и городские выборы были одноэтапные, а провинциальные выборы были трехступенчатые.

В империи были избраны 564 делегата, из них городские делегаты составляли 39% /208 человек, хотя их число от общего числа населения империи не составляло даже 5%!, дворяне — 30% /161 человек/, государственные крепостные делегаты — 16% /79 человек/. Казачество направило 54 делегата, поселенцы и так называемые ясачные /крепостные, платящие налоги мехом/ дали 34 делегата, а государственные учреждения — 28 делегатов для работы в Комиссии. Итак, не были представлены крепостные по-

мещиков, посессивные крепостные, так называемые приписные крепостные и крепостные секуляризированных в 1764-ом году монастырей /так называемые экономические крепостные/.

Делегаты получили целый ряд льгот, так, в зависимости от юридически занимаемого места в обществе, они были освобождены от пыток и телесных наказаний и получили специальные значки, которые дворяне и в дальнейшем имели право носить. Делегаты дворянского происхождения получали в год 400 рублей, делегаты городов — 120, а крепостные — 30 рублей в год²².

Комиссия начала работу свою 30 июля 1767 года в Кремле. Местом заседания стала Грановитая Палата, куда в тот же день прибыла Екатерина II со своей многочисленной свитой, и сразу же был избран председатель заседания в лице А. И. Бибикова, "задачей которого было не позволять включать в повестку дня ни одно такое предложение, которое могло бы помешать нормальному ходу заседания", то-есть, которое затрагивало бы щекотливые вопросы²³. Поэтому было указано, что Комиссия заседает не для того, чтобы заслушивать целый ряд скучных жалоб, а задачей своей считает вместо этого разработку и формулировку нового закона.

Делегаты вскоре создали 3 меньших подкомиссии /каждая из 5 человек/ /директирующая, редактирующая, подготовительная/, которым было указано, что без особого разрешения они не имеют право информировать газеты о своей деятельности, о прозвучавших спорах, о содержании выступлений, о возникших недоразумениях. После этого начали работу 19 специальных секций, в руководстве которыми немаловажную роль сыграл князь П. А. Вяземский, правая рука Екатерины II, ее советник по внутренним делам²⁴.

На торжественном открытии выступила сама Екатери-

на II, которая сказала следующее: "Мы думаем, что вместо самоцельной славы мы избраны для того, чтобы служить на благо своего народа." После этого заявления многие расплакались, и эффект только усилился, когда царица в продолжение сказала: "Господи, помоги, чтобы после окончания создания нашего закона наш народ жил вольнее, а следовательно — богаче на своей земле, их несчастье я бы не хотела постичь." Делегаты после этого попросили царицу принять титул "Величайшей, Мудрейшей и Матери всей Родины".

В качестве указания, ведущей нити для деятельности Комиссии царицей был написан обширный "Наказ", подобная программа реформы была до сих пор неизвестна в русской политической литературе и практике создания законов. Над созданием этого "Наказа" царица работала с января 1765 года до начала 1767 года, о чем 28 марта 1765 года написала в письме к Мадам Жефрен, информируя владелицу модного парижского салона о том, что вот уже 2 месяца ежедневно по 3 часа работает над редакцией новых законов Империи²⁵. /Полностью текст "Наказа" был опубликован Академией Наук России только позже, в 1907-ом году! /

В разработке "Наказа" отразились французского типа культурность Екатерины II, а также влияние — нередко приводившее к компиляциям — выдающихся мыслителей просветительства. Особенно большое влияние на написание "Наказа" оказали: работа Монтескье "Дух законов" /1748 г./, которую Екатерина назвала "молитвенником императоров", так как каждая строка ее пропитана пленяющей силой трезвого ума, а также работа выдающегося итальянского ученого юриста-криминалиста Беккариа — "О преступлениях и наказаниях" /1764/. Однако царица не поняла сути трудов западноевропейских философов, ведь ей понравилась отнюдь не резкая критика феодализма, а именно слабая точка опоры их идеологии: их наив-

ная вера в просвещенных правителей, на которой она и сама основала мысль своего "Наказа". Екатерина II старалась, в первую очередь, убедить членов Комиссии в том, что единственным источником всеобщего блага и управления может быть только самодержавие.

"Наказ" сначала состоял из 20 глав /а именно: о сенате; о юридическом положении граждан империи; о равноправии и свободе граждан; о законах вообще; о наказаниях; о судейской практике; о процессе уголовного суда; о положении крепостных, о росте численности населения империи; о ремеслах и торговле; о воспитании; о дворянстве; о городах; о наследствии; о кодификации законов; о духовном терпении; о тех статьях, которые нуждаются в разъяснении/, к которым в процессе редактирования прибавились еще две главы /о полиции и о государственной казне/. Итак, мы видим, что "Наказ" касался широких общественных проблем, но желал, в первую очередь, регулировать судебную практику и судей, подчеркнув, что залог предотвращения преступлений, болезней и т. д. заключается в распространении идей и плодов просвещения.

Названные главы "Наказа" разделялись на статьи, всего на 655, 294 из которых были взяты из Монтескье, а 104 — из Беккариа. /Последняя взята из 108 статьи 10 главы, носящей название "Уголовное судопроизводство"./ С помощью критического анализа "Наказа" можно выявить и сплетение взглядов большой Французской Энциклопедии, изданной в 1751-ом году, с влиянием немецких публицистов Бильфельда и Юсти. Итак, становится ясным, что не менее чем три четверти "Наказа" исходит от зарубежных авторов, что позже признала и сама Екатерина II. Немецкий перевод "Наказа" она направила Фридриху II в сопровождении письма следующего содержания: "Вы можете признать, что я, как тот сказочный ворон, красуюсь чужими перьями, так как в этом произведении я только упорядочила материал, мне принадлежит только один ряд, одно слово"²⁶.

Переводы царица поручила своему секретарю Козицкому; так как сама Екатерина в то время еще не владела в совершенстве русским языком. В результате перевода компиляций между отдельными главами нередко наблюдаются противоречия. /Напр. в главе заимствованной у Монтескье, признается казнь через обезглавливание, а в главе заимствованной у Беккариа — нет! § 79, то-есть § 209-212./

Известно несколько вариантов текста "Наказа". В первичной формулировке императрица еще осуждала особенно жестокие формы эксплуатации крепостных и насильственные злоупотребления. Готовый текст она показала графу П. И. Панину, который прочитав его, ужаснулся: "Это аксиомы, способные опрокинуть даже стены!"²⁷ Екатерина приняла предостережения Панина и в то же время поручила участникам дискуссии вычеркнуть из текста все, что они не считают правильным. "По каждой статье возникали споры — писала царица — и они вычеркнули больше половины мною написанного."²⁸ Значит, даже совсем умеренные реформистские предложения Екатерины вызвали сильное сопротивление в руководящих кругах империи. Аристократы изменили в первую очередь те части, где царица, в интересах обеспечения нарастающих государственных налогов, желала в определенной степени, ограничить эксплуатацию со стороны помещиков. Особенно много было исключено из XI. главы, предусматривающей определенное улучшение экономического и социального положения крепостных, но резкий протест вызвали также предложения, нацеленные на увеличение помощи, оказанной купечеству. Однако дворяне встретили с одобрением упразднение местных рангово-корпоративных привилегий. В связи с этим о судьбе прибалтийских провинций "Наказ" писал следующее: "Эти провинции, заодно со смоленской нужно как можно быстрее русифицировать, чтобы они не хлопали глазами!"²⁹

Итак, мы должны ясно видеть, что проект Екатерины II был направлен отнюдь не на основы и столпы феодально-

крепостнического строя — ведь вопрос освобождения крепостных не затрагивался, даже в форме упразднения личной зависимости, значит проект, путем скромных реформ, желал модернизировать существующие отношения, продлить их существование.

Протоколы заседаний Комиссии по составлению Уложения, действующей летом 1767 года, предоставляют нам богатый материал и для изучения политических взглядов русского дворянства и купечества³⁰. Первый "наказ" был представлен делегатом-крепостным из Новгородской губернии, Белозерской провинции, Каргопольского уезда, после чего немедленно последовали 26 выступлений и письменных мнений. Между прочим, на первых 14 заседаниях было зачитано или обсуждено всего 12 таких указаний, которые в какой-то форме занимались вопросами о крепостных. Дискуссии велись очень растянуто, особенно если они каким-то образом касались дворянства. На заседаниях представители русских дворян выступили с требованиями узкого сословного характера и стремились, во что бы то ни стало, восстановить свои прежние привилегии /напр. строгое наказание бежавших крепостных/, но защищая свои классовые интересы, они обрушились на купечество, требуя, чтобы не имеющие дворянского звания не имели права на предприятия ни в промышленности, ни в торговле. Купцы же, сознав свою все растущую силу, требовали для себя монополии в промышленности и в свободной торговле. В 1767-ом году о правах дворян и о положении купцов делегаты вели споры на 46 заседаниях, а о привилегиях лифляндцев и эстонцев — на 10 заседаниях.

Первое заседание закончилось в Москве, в декабре 1767 года, и тогда делегаты переселились в Петербург, где 18 февраля 1768 года снова начались дебаты о новом законопроекте. В столице Комиссия сначала, на протяжении 5 месяцев, обсуждала правосудие, было проведено 70 заседаний, заслушано мнение 200 делегатов, потом, на

протяжении 3 месяцев, снова обсуждались вопросы о привилегиях дворянства, которые опосредованно касались и вопросов о крепостных. Однако во время споров скромные предложения Екатерины II нашли поддержку только среди нескольких делегатов: так делегат Козловского уезда Григорий Коробьин, указавший в своем выступлении 5 мая 1768 года на фальшивость феодального правосудия, доказал, что побегии крепостных вызваны самопроизволом помещиков, частыми злоупотреблениями и бесчеловечной эксплуатацией. Его предложение, согласно которому крепостной в дальнейшем располагал бы своим трудом сам, поддержали всего трое делегатов³¹.

Общее настроение дворянства на заседаниях отражает лучше всего выступление князя М. М. Щербатова /депутат из Ярославля/, который пытался доказать, что побегии крепостных вызваны не плохими экономическими-социальными условиями; а неблагоприятными климатическими обстоятельствами³². Щербатов последовательно выступил в защиту интересов коренных дворян, отстаивал их столетние "святые права". "Содержание крепостных — подчеркивал он — является привилегией исключительно только дворянства, так как через них оно может научиться управлять маленькой частью империи"³³. По его мнению купечество не имеет права на куплю крепостных, и это он пытался подтвердить статистическими данными. Согласно им: из 7,5 миллионов крепостных душ на самом деле только приблизительно 3,3 миллиона заняты пахотой и сеянием, то-есть заняты эффективно обработкой земли, они трудятся на 17 миллионов человек, выращивая им хлеб. Значит, каждый крестьянин — доказывал Щербатов — содержит 5 других человек и если 20.000 купцов купит только по двое крепостных душ, число крестьян уменьшится на 40.000, а это при средней урожайности XVIII века не позволено.

В защите дворянства дальше Щербатова зашел только князь А. П. Нарышкин — Михайловский дворянин — просла-

вившийся своими крайними взглядами и ненавистью к крепостным. По его выступлению "дворянский титул является самым святым дарованием, которое отличает одного человека от другого, благодаря чему он и его потомки могут жить соответствующим образом"³⁴. Согласно его мнению в империи не найдется даже 2 миллионов крестьян, выращивающих хлеб, поэтому требование купцов о купле крепостных абсурд, и в дальнейшем "угрожает существованию России"³⁵.

В ходе споров стало очевидным, что в империи отсутствуют самые элементарные социальные учреждения /больницы, приюты для сирот, медикаменты/, нет в надлежащем количестве хлебных амбаров, банков, почт, школ. Многие выступающие с горечью жаловались на ошибки законодательства, на пережитки средневековья.

На протяжении полутора лет Екатерина II смогла убедить в том, что ее маневрирующую, либеральную политику большинство близоруких дворян не поддерживает. А возникшие в ходе 203 заседаний споры и разногласия смогли убедить ее и в том, что Комиссия — из-за своего состава — не работоспособна, ведь крайне различные интересы невозможно было согласовать. Поэтому императрица — по причине начавшейся русско-турецкой войны — в декабре 1768 года на неопределенное время отсрочила заседание Комиссии, а делегатов распустила. Большая комиссия окончила свою деятельность, но некоторые ее секции еще годами существовали. Екатерина в своих примерах определила работу Комиссии как успешную и плодотворную, ведь по ее мнению: "стало ясным, где башмак жмет ногу и мы старались это исправить"³⁶.

И хотя в последующем десятилетии Екатерина до 1775-го года "выиграла три решительных боя" /1772 год — первое разделение Польши; 1768-74 — победоносное окончание русско-турецкой войны; 1773-75 — подавление крестьянского восстания Пугачева/, Комиссию она больше не созвала, убе-

дившись в ее нежизнеспособности, в бессмысленных, бесплодных спорах.

Точка зрения Екатерины II, которая отражалась в "Наказе", была русским вариантом новой феодалной правительственной политики, характерной для всей Европы. Эту своеобразную "тактику" буржуазная историография назвала "просвещенным абсолютизмом", о котором появилась такая обширная литература, что ее обсуждение никак не вменяется в рамки нашей темы.

Литература

- 1 Основные источники, касающиеся темы: И. С. Бак: Антифеодалные экономические учения в России второй половины XVIII века. М. 1958; В. Н. Бернадский: Очерки по истории классовой борьбы и общественно-политической мысли в третьей четверти XVIII века. Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена. т. 229. Л. 1962; А. Г. Белебрух: Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII века и царизм. Днепропетровск. 1979; И. З. Дергачев: Из истории русской общественной мысли /70-е годы XVIII века/. Ученые записки Ульяновского пед. института. т. 21. выпуск 5. 1969. 224-256; И. А. Федосов: Из истории русской общественной мысли XVIII столетия /М. М. Щербатов/. М. 1967; Г. А. Галин: Первенцы свободы /А. Н. Радищев/ М. 1971; К истории экономики, классовой борьбы, культуры и общественной мысли в России конца XVIII-XIX столетий, /Ред.: В. В. Пугачев/. Ученые записки Горьковского гос. университета, выпуск 58. Горький, 1963; Ю. Ф. Карякин — Е. Г. Плимак: Запретная мысль обретает свободу. М., 1966; Ю. А. Коган: Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII века. М. 1962; Л. А. Коган: Крепостные вольнодумцы. М. 1966; М. Д. Курмачева: Крепостная интеллигенция в России /вторая половина XVIII - начало XIX века/ М. 1983; она же: Крепостная интеллигенция в России в XVIII веке. Вопросы истории 1979/1. 82-95; В. В. Мавродин: Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России XVIII века. Л. 1964; В. В. Пугачев: А. Н. Радищев /Эволюция общественно-политических взглядов/. Горький, 1960; И. Я. Щипанов: Философия русского просвещения /вторая половина XVIII века/. М. 1971; М. М. Штранге: Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М. 1965;

Л. Ф. Захарова: Положение крестьян и общественно-политическая мысль в России XVIII века. М. 1969; В. А. Запалов: К истории "вольных" типографий в России XVIII века. Л. 1970.

Е. Donnert: Öffentliche Meinung und Pressepolitik unter Katharina II. Zeitschrift für Slawistik. 1973/6; он же: Социальные Bewegungen und gesellschaftspolitisches Denken in Russland in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1976. Heft. 8; он же: Aufklärung und antileibnizianisches Denken in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. Н. 8; он же: Zur politischen Ideologie der russischen Adelsaristokratie in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Zeitschrift für Slawistik. 1973. Н. 4; он же: Mihail Scerbatov als politischer Ideologe der russischen Adels in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. ZfSI. 1973. Н. 4; он же: Zur Gesellschaftspolitik und Staatsräson des aufgeklärten Absolutismus in Russland unter Katharina II. Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd. 18/2. Berlin. 1974; он же: Zur bürgerlichen Ideologie der russischen Gesellschaft in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. ZfG. 1974. Н. 7; он же: Zur Verbreitung bürgerlicher Wissenschafts- und Gesellschaftslehren an der Universität Moskau in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. JGSLE. Bd. 23/2. 1979; C. Grau: Zur Ideologiegeschichte in Russland und zu den deutsch-russischen Beziehungen in den 60-70-er Jahren des 18. Jahrhunderts. JGSLE. Bd. 23/2. 1979; U. Lehmann: Kritik und humanistisches Menschenbild der russischen Aufklärung. ZfSI. 1973. Н. 2.

J. T. Alexander: Autocratic Politics in National Crisis. The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt /1773-1775/. Bloomington. 1969; M. Kochan: Life in Russia under Catherine the Great. London. 1969; M. Raeff: Imperial Russia, 1682-1825. The Coming of Modern Russia. New York, 1971; он же: Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteen - Century Nobility. New York. 1966; он же: State and Nobility in the Ideology of M. M. Scherbatov. American Slavic and East European Review, 1960. vol. XIX. N. 3; он же: Staatsdienst Aussehenpolitik, Ideologien. Die Rolle der geistigen Entwicklung der russischen Adels im 18. Jahrhunderts. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 7. 1959. N. 2; R. Jones: The Emancipation of Russian Nobility, 1762-1785. Princeton. New Jersey. 1973.

- 2 К истории просвещенного абсолютизма России: И. А. Федосов: Просвещенный абсолютизм в России. Вопросы истории. 1970/9; И. А. Булыгин — Е. И. Индова — А. А. Преображенский — Ю. М. Тихонов — С. М. Троицкий: Начальный этап

- генезиса капитализма в России. Вопросы истории. 1966/10; М. П. Павлова-Сильванская: К вопросу об особенностях абсолютизма в России. История СССР. 1968/4; А. Л. Шапиро: Об абсолютизме в России. История СССР. 1968/5; А. М. Давидович — А. А. Покровский: О классовой сущности и этапах развития русского абсолютизма. История СССР. 1961/1; С. М. Троицкий: О некоторых спорных вопросах истории абсолютизма в России. История СССР. 1960/3; он же: Россия в XVIII. веке. М. 1982.
- W. Küttler: Lenins historisch-politische Konzeption des russischen Absolutismus. JGSLE. Bd. 14/1. 1970; он же: Gesellschaftliche Voraussetzungen und Entwicklungstyp des Absolutismus in Russland. JGSLE. Bd. 13/2. 1969; E. Donnert — P. Hoffmann: Zur Frage der wissenschaftlichen und sozialen Grundlagen des Absolutismus in Russland. ZfG. XIV. 1966/5; P. Hoffmann: Entwicklungstappen und Besonderheiten des Absolutismus in Russland. JGSLE. Bd. 14/2. 1970. 107-137; A. Ja. Awrech: Der Absolutismus und seine Rolle bei der Herausbildung des Kapitalismus. Sowjetwissenschaft-Gesellschaftswissenschaft. Beiträge. 1969/2; Ch. Grau: Probleme des Absolutismus in Russland 17. und 18. Jh. Wissenschaftliche Beiträge für die Geschichtslehrer. 5. Berlin. 1969; ifj. Bartá János: A felvilágosult abszolutizmus. AUD. KLTE. Debrecen. 1976. 3-30; Niederhauser Emil: Az orosz felvilágosodott abszolutizmus kérdésehez. AUD. KLTE. Debrecen. 1964; он же: Az orosz felvilágosodás. Вр. 1966.
- 3 Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века /Вступительная статья: И. Я. Щипанов/ т. 1. Москва. 1952. 5-87.
- 4 Az orosz felvilágosodás /szerk.: Niederhauser Emil/. Вр. 1966. 61-74; М. Т. Белявский: Зарождение просветительства в России. Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958/3. 27-46; П. Н. Берков: Основные вопросы изучения русского просветительства. В книге: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.-Л. 1961; З. А. Каменский: Философские идеи русского Просвещения. М. 1971; В. И. Моряков: Изучение русского просветительства XVIII-начала XIX века в советской историографии. История СССР. 1986/2; В. Н. Орлов: Русские просветители 1790-1800 годов. Изд. 2. М. 1953; Е. Г. Плимак: Основные этапы русского Просвещения XVIII века. В книге: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века. М.-Л. 1961; И. Я. Щипанов: Философия русского Просвещения. 1971; Р. Г. Эймонтова: К спорам о просветительстве. История СССР. 1988/6. 17-35.
- 5 С. Grau: Zur Ideologiegeschichte in Russland und zu den deutsch-russischen Beziehungen in den sechziger-siebziger Jahren des 18. Jahrhunderts. In: Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. 1979/2, S. 83-98.

- 6 E. Donner: Zur Verbreitung bürgerlicher Wissenschafts - und Gesellschaftslehren an der Universität Moskau in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. In: Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin. 1979/2. S. 25-35.
- 7 Г. П. Макогоненко: Николай Новиков и русское просвещение. М.-Л. 1952. 68-74; История русской журналистики XVIII века /редактор П. Н. Берков/ М.-Л. 1958; Хрестоматия по русской литературе XVIII века /ред. А. В. Кокорев/ М. 1965.
- 8 Избранные произведения... 18-22.
- 9 Там же: 411-661.
- 10 E. Donnert, 30-32.
- 11 Избранные произведения... 187-335.
- 12 К деятельности И. А. Третьякова: Избранные произведения... 335-362.
- 13 Там же, 87-110, E. Donnert, 26-27.
- 14 Избранные произведения... 111-186.
- 15 Там же, 363-386.
- 16 Там же, 387-396.
- 17 Там же, 105-186.
- 18 М. М. Штранге: Демократическая интеллигенция в России XVIII века. М. 1965; М. Д. Курмачева: Крепостная интеллигенция в России в XVIII веке. М. 1983.
- 19 А. П. Западов: Русская журналистика XVIII века. М. 1964.
- 20 Д. С. Бабкин: А. Н. Радищев. М. 1966; П. Н. Берков: Некоторые спорные вопросы современного изучения жизни и творчества А. Н. Радищева. Сборник "XVIII век" т. 4. М.-Л. 1959. 172-206; А. И. Старцев: Радищев в годы "Путешествия" М. 1960; Л. Б. Светлов: А. Н. Радищев. М. 1958.
- 21 А. И. Маркович: Предложения о созыве Комиссии для составления проекта нового Уложения. Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1896; G. Sacke: Adel und Bürgertum in der Gesetzgebenden Kommission Katharinas II von Russland. JfGO. 1938/3. 408-417; он же: Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. JfGO. 1940/1.
- 22 А. В. Флоровский: Состав Законодательной Комиссии 1767 года. Одесса. 1915. 7.
- 23 А. И. Бибииков: История Екатерининской Законодательной Комиссии. Одесса. 1910. 84-87.
- 24 В. О. Ключевский: Курс русской истории. 5. М. 1940. 86-88.
- 25 Там же, 76.

- 26 Там же, 76-77.
- 27 Там же, 78.
- 28 G. Sacke: Die Gesetzgebende Kommission, 143.
- 29 Perényi József - Dolmányos István: A Szovjetunió története I. Egyetemi jegyzet. 172.
- 30 М. А. Лапинский: Новые данные для истории Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. Журнал Министерства Народного Просвещения. Санкт-Петербург. 1887, книга 7.
- 31 В. О. Ключевский, 100.
- 32 E. Donnert: Mihail Scerbatov als politischer Ideologe des russischen Adels in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. ZfSI. 1973. H. 4.
- 33 M. Raeff: State and Nobility in the Ideology of M. M. Scherbatov. American Slavic and East European Review. 1960. vol. XIX. N. 3.
- 34 Сборник "Русское Общество" /сокр. СРМО/. т. 4, 205.
- 35 В. О. Ключевский, 99.
- 36 Записки Екатерины II. Санкт-Петербург. 1907, 212.